

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО
ДИССЕРТАЦИОННОГО ФОНДА

Д. И. АВГУСТОВ

ОТНОШЕНИЕ МИТРОПОЛИТА
МОСКОВСКОГО ФИЛАРЕТА
К МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМИИ.

ГЛАВА 1. УЧЕБНАЯ ЧАСТЬ

От публикаторов

Среди материалов, хранящихся в 172 академическом фонде НИОР РГБ, бóльшую часть занимают дореволюционные курсовые работы, писавшиеся выпускниками Московской духовной академии на протяжении XIX и в начале XX в. вплоть до революции. По мере совершенствования постановки учебного процесса уровень работ возрастал, хотя он продолжал варьировать в зависимости от более или менее требовательных установок научных руководителей и от способностей учащихся. Часто диссертации наиболее способных студентов дорабатывались до магистерских работ, каждая из которых по Уставу 1869 г.¹ и по «Положению об испытаниях на ученые степени», утвержденному Св. Синодом 29 августа 1874 г., затем, как правило, издавалась. Иная более печальная участь ожидала «средние» работы, которые, несмотря на подчас высокие оценки преподавателей, явно не претендовали на то, чтобы быть когда-нибудь доработанными и изданными. Тем не менее, некоторые из них содержали по-своему редкую и ценную информацию, а также профессиональную методологию. К такого рода работам впол-

¹ Согласно Уставу, в предметы занятий Совета Академии стало входить «Одобрение сочинений к напечатанию и изданию» (Устав и штаты Православных Духовных Академий, Высочайше утвержденные 30 мая 1869 г. § 86, 10).

не относится и сочинение выпускника 68 курса Академии Дмитрия Ивановича Августова на тему «Отношение митрополита Московского Филарета к Московской духовной академии» (общим объемом 200 страниц), защищенное им в 1913 г.

«Филаретовская» тематика всегда имела особое значение для Московской духовной академии, неслучайно возросшей и возмужавшей под омофором свт. Филарета (Дроздова) (26 декабря 1782 г. — † 19 ноября 1867 г.). «Знаменитому архипастырю, бывшему в начале XIX века членом Комиссии духовных училищ, Академия в значительной мере обязана своим возникновением в виде донныне существующей высшей духовной школы, так как его перу принадлежит представленный весной 1814 г. в Комиссию духовных училищ проект “О преобразовании Московской Духовной Академии”. На него же по учреждении Академии четыре раза возлагалось в 1814—1821 гг. производство ревизии Академии. Наконец, заняв в 1821 г. Московскую кафедру, Филарет до самой кончины в течение сорока шести лет был высшим руководителем Академии. Его отношение к Академии не ограничивалось только надзором; это было руководство и управление в самом тесном смысле слова; митрополит вникал в мельчайшие детали учебной, ученой и хозяйственной жизни Академии, и непосредственная администрация последней имела значение лишь исполнительного органа, осуществлявшего строгие и точные распоряжения владыки»². Однако при жизни московского святителя еще рано было писать исчерпывающую историю Академии, а после его смерти одним из самых крупных памятных событий, актуализировавших историческую память Академии, стал юбилей ее столетнего пребывания в Троице-Сергиевой Лавре (1814—1914 гг.). Несомненно, что именно к этому юбилею и была написана курсовая работа Д. Августова³. Впереди был еще один юбилей — 1917 г., когда

² Из отзыва на диссертацию Д. Августова М. Богословского (НИОР РГБ. Ф. 172. К. 164. Ед. хр. 3. Л. 1).

³ Об этом прямо указывается в отзыве М. Богословского: «Сочинение студента Августова вызвано интересом к истории Академии, который возбуждается приближающимся юбилеем этой школы (1 окт. 1914 г.)» (НИОР РГБ. Ф. 172. К. 164. Ед. хр. 3. Л. 1). Помимо курсовой работы Д. Августова, был написан ряд других «юбилейных» студенческих работ, как, например, Дмитрия Крылова «Духовные предста-

Академия, несмотря на революционную смуту, нашла в себе силы почитать 50-летие со дня кончины великого святителя⁴.

О самом авторе нам практически ничего не известно. Среди личных дел преподавателей, выпускников и служащих дореволюционной Академии его личное дело отсутствует. В юбилейном списке выпускников 68 курса (1909—1913 гг.), где Д. И. Августов помещен ближе к концу под 40-м номером, указано только, что он поступил в МДА волонтером из Рязанской духовной семинарии, а закончил МДА кандидатом⁵.

Курсовая работа Д. Августова, как указано на титульном листе, была подана 5 мая 1913 г. преподававшему русскую гражданскую историю ординарному профессору М. М. Богословскому⁶, который оценил ее высшим баллом 5, а также исполняющему должность доцента Н. Д. Протасову, впоследствии профессору по кафедре Церковной археологии⁷. Последний, хоть и написал весьма не лестный отзыв с упреками

вители богословской науки в Московской Духовной Академии за столетний период ее жизни» (отзывы еп. Феодора (Поздеевского) и иером. Пантелеимона (Успенского) в: ЖС МДА 1914 // БВ. 1915. Т. 2. № 5. С. 329—336 (3-я пагин.)). Еще в одном «юбилейном» сочинении Николая Сергиевского (59 курса) «Деятели на поприще изучения древне-русской письменности, вышедшие из Московской Духовной Академии» упоминалось и о св. Филарете (во 2-й гл.) (отзывы Н. Л. Туницкого и Ф. М. Россейкина в: ЖС МДА 1914 // БВ. 1915. Т. 2. № 6. С. 430—435 (2-я пагин.)).

⁴ Тарсев М. М. [Памяти великого святителя: К годовщине пятидесятилетия со дня блаженной кончины Филарета [Дроздова], митрополита Московского. 1867—Ноября 19—1917]. 5. Митрополит Филарет как богослов // БВ. 1918. Т. 1. № 3/4/5. С. 81—97 (2-я пагин.); Введенский Д. И. Памяти великого святителя. 6. Митрополит Филарет как библист // Там же. С. 98—109 (2-я пагин.); Виноградов В. П. 7. Значение митрополита Филарета в истории русской проповеди // Там же. С. 110—144 (2-я пагин.); Леонид (Краснопевков), еп. Дмитровский. Письмо преосвященного Леонида к князю В. А. Долгорукому о митрополите Филарете [Дроздове] // Там же. С. 81—83 (3-я пагин.); Филарет (Дроздов), свт. Полное собрание резолюций / Под ред. прот. В. С. Маркова // БВ. 1918. Т. 1. № 3—5. С. 97—128 (4-я пагин.).

⁵ Списки студентов 1914. С. 159.

⁶ Михаил Михайлович Богословский (13 марта 1867 г. — 20 апреля 1929 г.), ординарный профессор Академии (с 1912 г.) и Московского университета (с 1915 г.), читавший в Академии с 1908 по 1919 г. русскую гражданскую историю.

⁷ Николай Дмитриевич Протасов (20 марта 1886 г. — 29 января 1940 г.), э.-орд. (1917 г.) профессор МДА по кафедре Церковной археологии.

в нелитературности и в отсутствии ревности, которой отличался сам свт. Филарет, в конце признал за работой и определенные достоинства. «... Нужно сознаться, что всякий автор — сын своего века прежде всего; и г. Августов также пошел за небрежным отношением к литературной стороне сочинений, которое постепенно, но твердо укореняется, к сожалению... Конечно, в этом сказывается самое простое и естественное желание поскорее разделаться с взятой темой, которая не представляет для автора никакого, в большинстве, интереса, так же случайна, как билет лотереи⁸... Г. Августов — плохой историк, потому что на него великая историческая личность митрополита Филарета не оказала никакого впечатления именно со стороны самого ревнивого отношения к ученой работе, в которой весь человек выливается перед читателем со всеми даже едва заметными недостатками. Оттого-то и нет в сочинении г. Августова огня, задора и силы авторского слова, когда читатель забывает считать страницы... Что касается материальной стороны настоящего сочинения г. Августова, то нужно сказать, что это — труд добросовестный. Автор изучил хорошо дела академического Правления и Конференции за 1815—1870 гг., подлинные сочинения митрополита Филарета, которые имели отношение к теме, воспоминания современников и пр. ... В заключении... автор дает совершенно правильную

⁸ И далее: «На самом деле, что сказать о сочинении, которое при самой простой, определенной, не представляющей даже в методологическом отношении никаких затруднений, теме лишено литературной обработки? Конечно, можно и нужно сказать одно: автор хотел поскорее покончить с своей работой. Такое отношение положительно преступно, потому что оно вообще говорит о небрежности человека, о нежелании вдумчиво отнестись даже к серьезному делу, на основании которого делается характеристика. Во французских школах в сочинениях на степень принимается во внимание все, что сколько-нибудь говорит вообще о человеке, и не редкость встретить, что автору возвращают его работу как недоделанную, потому что у него хромает стилистика. Легкое отношение к последней неизменно ведет и к общей неразборчивости. Автору нужно было сказать, что Гиляров хорошо знал Гегеля, и он ссылается, как на авторитет, на передовую статью в № газеты “Утро России” от X/13 сего года (стр. 52)... Это — научный прием? Разве автор никогда не слышал, как пишутся все газетные статьи вообще и, в частности, передовые? Разве автору неизвестно, что в каждой газете существует такое лицо, которое о чем угодно и когда угодно должно написать в 10 минут? Разве неизвестно автору, что сотрудник газеты иногда прямо диктует наборщику? Рецензенту стыдно за автора...» (НИОР РГБ. Ф. 172. К. 164. Ед. хр. 3. Л. 3—4).

картину тесного союза великого Архипастыря с им созданной и воспитанной Школой»⁹.

Оригинальная рукопись диссертации и отзывы хранятся в НИОР РГБ. Ф. 172. К. 164. Ед. хр. 2–3. Помимо введения и заключения диссертация состоит из четырех основных глав: 1. Учебная часть (С. 33–81), 2. Административная часть (С. 82–117), 3. Хозяйственная часть (С. 118–144), 4. Ученая часть (С. 144–192). Работая над юбилейным выпуском «Богословского вестника», редакция журнала сочла уместным опубликовать первую главу данной диссертации, посвященную постановке учебного процесса в Московской духовной академии под неусыпным контролем свт. Филарета. При подготовке публикации были по возможности унифицированы и перепроверены ссылки на источники. Д. Августов достаточно вольно цитировал текст, иногда приспособлявая цитату под свои нужды, подчас без соблюдения научной этики. Добавления, внесенные редактором, выделены угловыми скобками¹⁰; в особых случаях в подстрочном аппарате указываются правильные варианты цитируемого текста. 1-я глава из диссертации Д. Августова публикуется в современной орфографии и пунктуации.

ГЛ. 1. УЧЕБНАЯ ЧАСТЬ

С 1814 года, года своего преобразования, Академия московская стала высшим учебным заведением. Прежняя Славяно-греко-латинская академия не была таковой, что видно уже из того, что новая Академия приняла в состав своего первого курса воспитанников уже прошедших курс старой Академии. Старая Академия по своему образовательному цензу почти равнялась семинариям. Не такой стала новая. Она заняла положение высшей школы, по отношению к ним [семинариям] стала последней инстанцией высшего духовного образования. В то время как в прежнее время учительские должности в семинариях занимали те же семинаристы, окончившие курс лучше других, то теперь это образо-

⁹ НИОР РГБ. Ф. 172. К. 164. Ед. хр. 3. Л. 4.

¹⁰ Добавления самого Д. Августова в цитатах также поставлены в скобки.

вание стало <полагаться> недостаточным. Эти лучшие должны были пройти еще новую школу, изучить дело в новой лучшей постановке и тогда только получали право быть профессорами и преподавателями. Такой-то высшей учебной школой и явилась Московская духовная академия. Прямая цель ее была — дать высшее богословское образование учащимся и через это образовывать особый кадр людей для преподавательской деятельности. Отсюда же выходило и ученое монашество, занимавшее впоследствии высшие административные должности в духовной сфере. Такие цели требовали тщательного выполнения дела. Нужно было подготовить людей вполне достойных нести возлагаемые на них сначала надежды, а потом обязанности, иногда высокие и очень ответственные.

Необходимо сказать несколько слов о постановке учебного дела в Академии.

Существенная черта <отличия> преобразованной Академии от старой Славяно-греко-латинской — это новая постановка учебного дела. Несмотря на упадок схоластики в первой четверти XVIII в., в старой Академии преподавание оставалось еще чисто школьным. Преподаваемые науки вмещались в тесные рамки, где уже был дан готовый материал. Далее этих пределов ходу свободной мысли не было. От учащегося не требовалось самостоятельной деятельности, вдумчивости, восприятия сущности <предмета>. Он должен был принять то, что дано, и при том в той же форме, в какой дано. На всякий даже уточненный вопрос ему дан был ответ в книге, далее которой он не должен был простирать своего любопытства, считая достаточным то, что ему уже дано. Предлагался какой-нибудь вопрос из богословия. Давался и ответ. В ответе приводились места Священного Писания с удержанием схоластических приемов. Смысл данного места Писания почти не уяснялся и не толковался. Только в <самых> важных случаях старались объяснить, и то сводом мест параллельных из того же Священного Писания. Прямым следствием такой сухой и безжизненной учебной постановки явилось то, что мысль крепко была связана путями формы и уже не могла излиться свободно в форме или живого размышления, или строго ученого самостоятельного рассуждения. Последнее-то и положено было в основание преподавания в новообразованной Ака-

демии. Старые учебники вместе с схоластическим преподаванием были отброшены как совершенно непригодные. Начинается сознательная, умная, самостоятельная, ученая работа. Вера в непреложность того, что дано в определенной книге, исчезла. Нужны были веские, более точные доказательства того, что дано, а этого возможно достигнуть только путем исследования. Учащегося не заставляют принимать без всяких соображений то, что дают. Нет, принять должны только тогда, когда самими ими признана будет истинность, истинность разумная того, что преподается, а это достигается только самодеятельностью учащегося. Таким образом, научность постановки преподавания со стороны преподающих и сознательная самодеятельная работа со стороны учащихся — вот те начала, на которых основана была новая школа. Мы не будем говорить о том, как эти начала проникали в сферу каждой науки. Нам нужно только указать, что, будучи преобразователем и основателем Московской академии, Филарет и в дальнейшем поддерживал и развивал эти основные начала и принципы учебного дела.

Первыми профессорами МДА были ученики Филарета, студенты первого выпуска СПбДА. Та закваска, которую они получили в бытность свою в Академии, тамошняя постановка дела, где Филарет стоял сначала в качестве профессора, а потом и ректора, была перенесена ими в Московскую академию. Первые преподаватели должны были каждый создавать свой метод, свою особую программу предмета. А это, в свою очередь, зависело от взгляда известного профессора на данную науку. Им приходилось быть новаторами, приходилось пролагать и указывать пути в дотолее неведомой области. Много сил и энергии требовалось от этих тружеников науки, чтобы с честью выполнить возложенное на них дело. Дело в том, что они не могли иметь патентованных учебников и руководств — книг классических, чтобы их положить в основу своих чтений, не могли иметь, потому что их не было. Собственно говоря, и были трактаты о тех же предметах и на данные темы, но различие между изложенным и тем, что были намерены изложить, было велико. Что было написано — было схоластично, а теперь нужно было бежать этого всеми силами. Задача каждого преподавателя и состояла в том, чтобы выбрать то, что можно было взять из старого и прибавить уже из своих сведений то, что нужно было из нового. Это нужно было,

чтобы составить то, что требовалось в настоящее время. Можно было взять из схоластики ценное, придать новые формы, подвести новые основания, главное же — осмыслить и тогда только предложить для сознательного восприятия и усвоения своими слушателями. Трудна была эта задача. Не всем под силу было скоро и правильно с успехом выполнить ее. И на первых порах видим колеблющиеся шаги многих, видим промахи и недостатки. Ошибались, но это было так естественно, так легко первое время. Вот здесь-то особенно сказалась помощь и руководство Филарета. Как это ни странно, нужно признать факт: Филарет, который сам после говорил, что он «малому учен был и худо учился», обладал энциклопедическими познаниями, не говоря уже о предметах академического курса, где он кроме математики и физики <во всем> мог быть назван специалистом. Своей обширной ученостью, главное же — уже установившимся учебным опытом он скоро и легко улавливал хорошие и недостаточные стороны преподавания. Он хвалит первые, указывает на вторые, и в этих указаниях был намечаем путь, по которому бы следовало идти. Вот его отзыв о последней ревизии пред вступлением на Московскую кафедру: «По части богословия толковательного приметен недостаток новейших филологических пособий, нужных для точнейшего определения внешнего смысла Священного Писания и для защищения оного от перетолкований. Академическому правлению предлежит попечение пополнить сей недостаток выпискою некоторых новейших по сей части книг, при употреблении коих, впрочем, твердо держаться надлежит апостольского правила: *вся искушающе добрая держите, от всякия злыя вещи отгребайтесь*¹¹. Часто у новейших немецких толкователей искусная филология прикрывает худую богословию... Систему полемической богословии полезно будет пополнить статью о расколах, возникших и продолжающихся в Церкви Российской, и о способе обличать оные.

Класс церковной истории, по-видимому, не простер своих изысканий далее учебной книги... В уроках церковного красноречия понятие о церковном ораторе представляется в виде слишком напряженном и не довольно систематическом. Впрочем, сие, конечно, усовершится

¹¹ 1 Фес. 5, 21–22.

при продолжающейся ревности и возрастающей опытности учащего. <...> В уроках всеобщей истории с одобрением надлежит заметить направление к тому, что называют философией истории и т. д.»¹². Комментарии излишни. Почти каждая наука подверглась его критическому замечанию. Почти в каждой нашлись те или иные промахи, и он указывает <их>, рекомендуя в то же время и средства к исправлению. Тут и выписка новых книг, здесь и требование большего усердия от профессора, здесь же и новая постановка дела. Так было, когда Филарет только в качестве ревизирующего в два года раз посещал и обозревал Академию. Еще интенсивнее и ревностнее стали его заботы, когда он стал непосредственным главным ее начальником. Уже одно то, что он почти все время своего 46-летнего управления был назначаем единственным ее ревизором, показывает силу этого надзора. Впрочем, теперь уже эти ревизии были совершенно излишни. Академия и так всегда, во всякое время была под взором Владыки — он был как бы постоянный ее ревизор.

Средствами для постоянного руководства учебною частью Академии было, во-первых, затребываемые ежегодно пред испытаниями конспекты преподавателей, во-вторых, испытания, в-третьих, студенческие сочинения. (Здесь не упоминаются посещения лекций профессоров, ибо это особенного значения на ход учения не могло иметь при их редкости.)

В то же время Филарет бдительно следил за работами и деятельностью учащихся. Студент занимающийся, трудящийся, жаждущий знания — только такой студент нужен был в Академии. Для таких Филарет являлся первым помощником. Первым делом его было искоренение схоластического зазубривания. Он не терпел заучивание готовых фраз, когда голова не работала своими разумными способностями, а действовала только механической памятью. «Преподавателям подтвердить, — пишет он, — чтобы преподавание направляли не к выученным ответам

¹² 5 июля 1820. Донесение архиепископа Тверского Филарета Комиссии духовных училищ о состоянии Московской Духовной Академии // Собрание мнений и отзывы Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам / Издание под редакцией преосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского. Т. 2. СПб., 1885. С. 49—50.

по памяти, но к основательному познанию предметов и рассудительным ответам всякому вопрошающему, ибо нет ничего тщетнее и слабее, как ученость, приобретенная наслышкою; посему первое правило учебного управления — стараться возбуждать собственные силы, давать им случай и удобность действовать самостоятельно»¹³. «Правление, — пишет он в другой раз, — говорит по-русски: выучить или изучить урок, т. е. вынуть его из книги, перенести в голову учащегося. Но также ли по-русски говорит инспектор: заучить урок, заключить, затворить, запечатать его в книге, чтобы он не перешел в голову ученика? То ли хочет он сказать?»¹⁴ Филарет понимал выучивание урока как усвоение мыслей данного трактата, а не заучивание форм, в которых они выражены. Как бы мысль ни была выражена на лекции, в учебной книге, достаточно уметь изложить ее своими словами, чтобы заслужить похвалу митрополита. И чем проще излагалось, чем более самостоятельности проявлял в своем ответе студент, тем выше ценился и ответ. Это особенно проявлялось, как мы это увидим далее, на испытаниях, где обязательно всегда присутствовал сам Филарет.

Отсутствие классических книг [т. е. стандартных учебников] сильно отзывалось на успехах студентов во время их подготовки. Приходилось записывать то, что читалось профессором. Такие записи очень осложняли дело учения тем более, что почти за каждым профессором приходилось вести записи. Филарет решил удалить эти трудности, и результатом такого решения было следующее его предложение академическому правлению: «Для некоторого, — писал он, — уменьшения затруднений и для приблизительного, по крайней мере, движения, к составлению учебных книг, не может ли быть употреблена следующая мера:

1) поставить в обязанность преподавателям при окончании курса представлять Конференции большую или меньшую часть своих уроков, удовлетворительно обработанную, а по окончании другого курса — другую;

¹³ Резолюции Московского митрополита Филарета по разным делам Устава Духовных консисторий и по управлению Духовно-учебными заведениями. Орел, 1889. С. 609.

¹⁴ Там же.

2) Конференции рассматривать сии уроки и, поколику окажутся полезными и нужными для преподавания в будущем учебном курсе, литографировать или печатать оные под свою ответственность, для внутреннего употребления Академии, к облегчению студентов от письма;

3) экземпляр таких уроков представлять Епархиальному Архиерею, по долгу своей службы обязанному иметь наблюдение за чистотою учения»¹⁵.

В продолжение учебного года все занятия студентов состояли в слушании лекций и писании сочинений. Сочинения считались самым важным показателем развитости и успехов воспитанника, поэтому и ценились очень высоко. Обстоятельства сложились так, что написание сочинений занимало большую часть времени студентов. Отсюда и вышло то, что студенты все свое время почти тратили на писание этих сочинений. Лекции посещались неохотно, да <студенты> <воспитанники> особенно к тому и не понуждались. Все зависело от того, как читает профессор и какой предмет читает. Математику, хотя ее читал известнейший профессор Петр Спиридонович Делицын, из нелюбви к самому предмету, совсем почти не посещали. Гиляров-Платонов в своих воспоминаниях говорит, что его лекции всегда посещали двое или трое. Таким числом профессор, впрочем, был доволен, большего числа и не желал, а посетителей не из усердников науки, по собственным словам, не жаловал. Тем внимательнее был он зато к себе и к доске с мелом в уверенности, что немногие <присутствующие> слушатели его действительно уже слушают¹⁶. Так же мало посещались лекции и другого знаменитого профессора Ф. А. Голубинского. Но были преподаватели, слушать которых собиралось почти все студенчество. Вообще же профессора не обижались такими отношениями к ним студентов. Они видели в них взрослых, вполне созревших людей, с установившимися вкусами и воззрениями. Такой взгляд на учащихся со стороны преподавателей установился исторически и основание имел, если можно так выразиться, в корне академического учебного строя.

¹⁵ Журнал Конференции 1846. 18 октября.

¹⁶ Гиляров-Платонов 1886. Т. 2. С. 337.

На первый курс Санкт-Петербургской академии, положившей начало «новому образованию», поступили слушателями не только студенты старой Академии, но и учителя и даже префект (Кутневич). С бывшим префектом, т. е. вторым из начальствующих лиц семинарии, да и с учителями, несколько лет учительствовавшими, можно ли было обращаться, как с безусыми мальчиками, только пересевшими с одной ученической скамьи на другую? Учащиеся здесь стали учителями новой Академии, и неужели могло измениться обращение с учащимися здесь, если с ними самими так ранее обращались? Да и в эту Академию [т. е. Московскую] во все время поступали в число студентов и учителя, и вдовые священники, и иеромонахи. Такие единицы, не переводящиеся никогда, клали отпечаток почтенности на весь состав учащихся. Академия представлялась не таким учреждением, в котором доканчивают учебное воспитание, а учреждением, куда поступают для самообразования под руководством старших люди, уже окончившие школу, уже приобретшие право располагать собою, не нуждающиеся в надзоре, а добровольно себя ограничивающие в видах занятия наукою. Такая постановка дела породила особенную патриархальность в отношениях старших — профессуры — к младшим — студентам. До чего доходила патриархальность в отношениях, можно судить по такому случаю. Классы немецкого языка, который преподавал Ф. А. Голубинский, почти совсем не посещались студентами. Бывали случаи, когда на лекцию являлся один. Тогда профессор обыкновенно присаживался к слушателю на его скамью. Однажды единственным слушателем оказался студент <И. В.> Б<еляев>. Б<еляев> нюхал табак и для удобства, чтоб не лазать за табакеркою, насыпал табак на бумажку на парте, откуда и пользовался. Голубинский тоже нюхал табак, но при переселении с кафедры на скамью забыл там свою табакерку. Разбирало его при виде, как слушатель его откуда-то угощается. Не переставая объяснять писателя и углубляться в особенности периода литературы, он тоже отправил руку по направлению, куда и слушатель, надеясь снабдить нужным щепоть столь же незаметно: шарил, шарил и сдернул своим широким рукавом бумажку. Она полетела с содержимым на пол. До крайности смущенный, он признался в искушении, которому не мог

противостоять, и горячо начал просить прощения за свою неловкость и за огорчение, причиненное, как он полагал, своему слушателю¹⁷.

Этот Ф. А. Голубинский и товарищ его П. С. Делицын — первые ученики Академии, воспитанники первого академического курса и первые же профессора, вышедшие из своей родной Академии, — были носителями академических преданий с самого времени ее основания. Проникнутые духом братства, равенства, тесного единства учителей с учениками, как это началось с основания Академии, они свято берегли и охраняли эти заветы всю дальнейшую свою службу. С самого основания они были как бы два столпа академического предания, столько проводившие на своем веку и ректоров и инспекторов, скольких епископов и архиепископов считавшие своими учениками. Тон, заданный старшему двоицею профессоров, своего рода родоначальниками Академии, не мог не поддерживаться другими. Дико было бы, когда какой ректор или инспектор, их бывший ученик, взял бы на себя важность выше меры. Не говорим уже о сослуживцах профессорах. В академическом мире отсюда и пошло это общее уравнение, <сложилось> своего рода братство. Особенно тесно было это единение в среде профессуры. Как ни как, а студенчество только четыре года связано было с Академией. [...] А здесь на всю жизнь люди связаны одним общим родным делом. И трудно себе представить, как тесно сживались друг с другом, делались как бы членами одной семьи. Как тяжело и грустно было, когда какому-либо члену приходилось по каким-либо обстоятельствам расстаться со всеми. Приведем несколько коротеньких выдержек из переписки бывшего ректора Евсевия Орлинского с проф. А. В. Горским.

Евсевий отправился на место своего нового назначения — ректора СПбДА: «Тяжело было мне оставить Москву, и очень тяжело было мне провести вторую половину сего дня...» — и заканчивает письмо: «Незабвенной братии... Феодору Александровичу и Петру Спиридоновичу, и всем и всем... Всех благодарю за братскую, навсегда памятную любовь для меня»¹⁸. В другой раз писал: «Друг мой! Добрый друг

¹⁷ Там же. С. 337–338.

¹⁸ См.: Письмо от 27 утра февраля 1847 // Письма Ректора 1886. С. 699, 702–703.

мой! Благодарю, благодарю вас! Еще раз поблагодарите при случае от меня незабвенного брата и друга, Отца Наместника за его братскую любовь в день радости о Христе. Получив ныне письмоцо Ваше, дважды прочитал его, и каждый раз оно исторгало у меня слезу любви при мысли о минувшем, не умирающем в душе моей... Да, нельзя мне так не вспоминать: здесь ничего подобного этому минувшему не встретил я в день всеобщей радости... Везде форма и форма... Егору Васильевичу (Амфитеатрову) скажите мою усердную благодарность за любовь, за все... буду отвечать с любовью, с охотой... как только найду возможность»¹⁹. «Часто, очень часто вспоминаю я прежнее сообщество, такое благородное, доброе, мудрое... Так бы иногда и перенесся к Вам хотя на день или на вечер, хотя бы к Федору Александровичу на тот вечер, когда мы совокупно воспевали Сретенские ирмосы!»²⁰. И это почти в каждом письме. Нечего, конечно, говорить, что он жил жизнью той Академии, ее нуждами, потребностями, интересами, радовался, когда там была радость, и проливал искренние слезы, когда случалось какое-либо несчастье. Естественно, что и студенчество как младший член этого «академического братства» имело скорее любовные отношения к старшим, чем страх подчиненных учащихся. Уже было указано, что братские отношения от старших к младшим были установлены издревле и строго охранялись и поддерживались в дальнейшей жизни Академии. Много содействовала этому, между прочим, постепенность, с какою пополнялся состав профессоров свежими силами из бывших студентов. Новый бакалавр, кто бы он ни был, монах или светский, четыре года пред этим и спал, и ел вместе со своими теперешними слушателями. Близкие ему год назад навещают его и теперь как товарища, и он с ними обращается как товарищ, делится своими преподавательскими планами. Они, со своей стороны, сообщают ему свои студенческие мысли и ожидания. По мере продолжения преподавательской деятельности бакалавр, а потом профессор теряет мало-помалу студентов-товарищей, которые, уже окончив курс, или разъехались, или обратились в сослуживцев. Но связь со студентами не теря-

¹⁹ Письмо от 8 апреля 1847 // Там же. С. 706–707, 710–711.

²⁰ Письмо от 3 октября 1848 // Там же. С. 806.

ется, поддерживается. Особенно много помогало этой поддержке так называемое землячество. Единство, <обретенное в> семинарии, <не забывалось,> связь между ее питомцами продолжалась и в Академии. Старший студент, знакомый с младшим еще по семинарии, вводит его в свою очередь к своему знакомому земляку, бакалавру и профессору, а там, между тем, подбывают новые бакалавры, недавно сошедшие со скамьи, которым студенты доводятся товарищами в тесном смысле. Образовывалась непрерывная цепь. И верховный начальник Академии митрополит Филарет строго блюл, чтобы она не разорвалась. Из чужих академий он допускал преподавателей только как исключение, а в начальники — ни одного. Это его великая заслуга перед Академией. Он не позволил вторгнуться чужой властной руке в эту тесную семью, не дозволил коснуться чужой руке с целью осквернить, разорить и разрушить то, что установлено и созидалось целыми десятилетиями. Не хотел внести раздора и смуты в <...> высшую духовную школу. Естественно, что при таких отношениях старших и младших последним должна быть предоставлена полная свобода их самостоятельности. Если Академия представлялась, как учреждение, куда поступали для самообразования под руководством старших люди, уже окончившие школу и приобретшие право располагать собою, то иных отношений нельзя и представить. Каждая личность свободно могла избирать то, что нравится, и все силы положить именно на изучение любимого предмета. В самом деле, мы видим здесь студентов — специалистов по известным избранным наукам, видим лиц, всецело отдавшихся самообразованию. Это и ценно было в Академии, что она не нивелировала личностей, не комкала их, насильно не уродовала, а, давая широкий простор исканиям и запросам каждого, являлась первой способницей и помощницей в достижении намечаемой цели. «На мой взгляд, — писал один питомец, — жизнь академическая много превосходит семинарскую жизнь. Семинария, как письмена, убивает нас, а Академия, как дух, животворит. Да, душа получает простор, живость, силу в Академии, а в семинарии давит ее страх, отдаленность наставников, каждодневные уроки»²¹. «Академии же моя вечная благодарность и призна-

²¹ Тихомиров 1898. С. 318.

тельность, — пишет другой, — что давала простор моей внутренней жизни. <...> На целые месяцы уезжал я в Москву в течение учебного курса, чтобы изучением писателей, которых не находил в академической библиотеке, заполнить оказавшиеся пробелы... Воспоминания об этом не могут меня не трогать...»²²

Цельные и сильные духом личности могли выходить и выходили из этой школы с такой постановкой учебного дела. Выносили в жизнь не верхушки и отрывки познаний, бессистемные, разбросанные и смешанные, — нет, основательные, крепкие и устойчивые знания и убеждения, за целостность и неприкосновенность которых они могли заплатить дорогой ценой.

Еще при самом основании Академии в марте 1816 года студенты основали ученое общество под названием «Ученые беседы». Один из видных членов этого общества (секретарь <его>) Ф. А. Голубинский писал после, что «к составлению сего общества подало случай приятное обыкновение, общее между всеми почти занимающимися науками, беседовать между собою о предметах своих упражнении»²³. Часто в часы досуга студенты любили с дружеской свободой и откровенностью говорить, что каждый думал о предметах их учения, иногда читали друг перед другом свои сочинения и судили о них. Находя удовольствие в сих беседах, они, впрочем, заметили в них тот недостаток, что как время их, так иногда и предмет не были определены, и для того намерились назначить постоянные правила для того и другого. Размышление об этих правилах, вместе с тем и примеры обществ в некоторых университетах между учащими и учащимися учрежденные, подали им мысль об образовании подобного общества. После взаимных совещаний по этому делу были выработаны сообща правила, которые и были представлены тогдашнему инспектору Филарету (Амфитеатрову). Устав был утвержден, и общество открылось. Предметами рефератов и беседований были темы богословско-философского характера. Насколько серьезно поставлено было дело, видно из того, что когда в журнале, издававшемся при Московском университете (в «Вестнике Европы»),

²² Гиляров-Платонов 1886. С. 347.

²³ Смирнов 1879. С. 175.

последних немецких философов (Канта, Фихте, Шеллинга) называли почти сумасшедшими, а сочинения их — немецкой галиматей, юные студенты удивлялись невежеству и нелепости суждений университетского журнала²⁴. Конечно, не точка зрения на предмет удивляла их, ибо взгляды могут быть разные, а незнание предмета, о котором судят. Без сомнения, отрицательные взгляды на философию и религию были хорошо известны, но основательное изучение философии приучило их — не менее университетских глубоко-благочестивых и строго православных христиан (что видно по их рефератам и по другим работам) — к терпимости к чужим взглядам и мнениям. Заложенные так основательно первоначальные знания каждый мог развивать в дальнейшей жизни, ибо путь был указан, и путь верный. И выходили из Академии люди, о которых с великим почтением отзывались такие личности, как Погодин. «Сблизился я с наше<ю Троицкою> Академие<ю>, — писал он своему другу Шевыреву, — в которой множество людей перво-классных. Вообрази, что <там> переведено почти все из новой немецкой философии, и Шеллинг известен <там> так, как и в голову не попадется какому-нибудь интригану Давыдову» (проф<ессор философии в> Моск<овском> Универ<ситете>)²⁵. А вот другой отзыв о питомце Академии Н. П. Гилярове-Платонове: «На студенческой скамье с первого курса он изучал философию и увлекся господствовавшим тогда Гегелем. Все фолианты этого философа прочитал в подлиннике. Несмотря на все тогдашнее увлечение гегельянством, таких усердных исследователей этой системы было немного. Несколько позднее было установлено как факт, что в Москве всего Гегеля прочитал только один <человек>, кроме Гилярова, — А. С. Хомяков»²⁶.

Показателем такой работы и деятельности студентов были их сочинения. Здесь проглядывается действительно серьезный и упорный труд. Отчасти это объясняется тем, что сочинения имели решающее значение

²⁴ Лаголев С. С. Протоиерей Феодор Александрович Голубинский. СПб, 1898. С. 5.

²⁵ Смирнов С. И. Александр Васильевич Горский (Биографический очерк) // БВ. 1900. № 11. С. 428 (2-я пагин.). (Письмо Погодина Шевыреву датируется 1830 г. — Ред.)

²⁶ Утро России. 1912. 13 окт., передовая сторона.

при суждении об успехах учащихся, отчасти же тем, что здесь каждый мог действительно самостоятельно работать в том или ином направлении, дать простор и свободу своей мысли. Много приходилось прочитывать. А так как на отечественном языке было очень мало трудов по богословским и философским вопросам, то приходилось все время обращаться к иностранным языкам. Поэтому при самом поступлении в Академию старались изучить основательно хотя бы один из новых языков (древние, особенно латинский, хорошо усваивались еще в семинарии). Было как-то принято считать лучшими такие сочинения, которые были испещрены цитатами отцов Церкви или же классических и лучших новейших писателей. Сочинения такого рода показывали обширное знакомство с литературой по данному вопросу. Понятно, что требовалось много времени для чтения источников и для выписки мест из разных книг. Поэтому писать приходилось долго. И, несмотря на назначаемые определенные сроки, подавались сочинения не вовремя. Студенты засиживались по ночам, не посещали лекции, чтобы к сроку выполнить работы. И начальство вполне им сочувствовало. Ректор Филарет Гумилевский, обходя студенческие комнаты во время классов, если видел студента занятым сочинением, не делал ему даже замечания²⁷.

На основании академического Устава сочинения, писанные студентами, непременно должны были внимательно быть рассматриваемы наставниками. При этом просмотре встретившиеся погрешительные места должны быть исправляемы. А где такие исправления было неудобно сделать, там против этих мест должны на полях делать замечания, чтобы автор видел свою ошибку. По рассмотрении всего сочинения рецензент должен был подписать под ним свой отзыв и этот отзыв скрепить своим именем²⁸. Все это затем шло на просмотр митрополиту. Филарет требовал, чтобы относительно выбора предметов для сочинений и распределений тем между студентами была наблюдаема строгая разборчивость. «Предметы для сочинений студентов, — писал он, — должны быть избираемы с осмотрительностью. Студенты не довольные в познаниях и в способностях воображения должны быть упраж-

²⁷ Смирнов 1879. С. 170—172.

²⁸ Журнал Конференции. 14 октября 1833.

няемы в сочинениях меньшего пространства, а к сочинениям большего пространства могут приступать те, которые довольно утвердились в познаниях и могут многосложный состав просторного сочинения обнимать соображением в целом и частях и наблюдать правильное отношение всех подробностей к главному предмету и цели сочинения»²⁹.

Особенное же внимание обращал Владыка на сочинения курсовые, представляемые на соискание ученых степеней. Эти сочинения обыкновенно рассматривались Филаретом совместно с Конференцией после экзаменов.

Кончался учебный год. Начинались подготовки к испытаниям. Студентам, даже и наставникам приходилось очень много работать. Нужно было привести в надлежащий порядок то, что было прочитано за весь год. Воспроизвести и усвоить, чтобы свободно можно было не только отвечать это самое, но на этом основании уметь построить новое заключение. И работать приходилось. Готовились по большей части по запискам, сдаваемым перед экзаменами наставниками. «У нас экзамены, — писал своему другу иеромонах Савва (впоследствии архиепископ Тверской), — это то же, что бывало в Муроме приезд преосвященного и даже гораздо более. Еще недели за три началась предуготовительная работа. Признаюсь, моей бедной памяти не легко обошлись эти три недели»³⁰. Филарет строго относился к экзаменам. «Нужно строже производить их, — говорил он. — Недостаток строгости экзаменов был одной из причин, которые вызвали преобразование Духовных училищ»³¹³². Придерживаясь такого взгляда, он требовал особенной тщательности от наставников как в подготовке к экзаменам воспитанников, так и на самих экзаменах. Столь же строгие требования предъявлялись им при спросах и экзаменующимся.

Экзамены бывали обычно два раза в году: перед праздником Рождества Христова и перед окончанием учебного года. Первые называ-

²⁹ Там же.

³⁰ Тихомиров 1898. С. 330.

³¹ В цитируемом тексте: «духовно-учебных заведений». См. следующее примечание. — Ред.

³² Григорий, архимандрит. Из моих личных воспоминаний о святителе Филарете Московском // ДЧ. 1869. Ч. 16. № 3. С. 79.

лись частными, последние же — публичными. Но эти публичные в свою очередь предварялись такими же частными — предварительными испытаниями. Кроме того, через каждые два года бывали выпускные, отличавшиеся особенной торжественностью. Обыкновенно пред такими экзаменами рассылались приглашения почетным членам академической корпорации — почтить своим присутствием эти испытания. Не воспрещался доступ и совершенно посторонним лицам. Никодим Казанцев рассказывает, что в бытность свою еще семинаристом он был постоянным посетителем таких испытаний³³.

Частные экзамены носили домашний характер. Это было нечто вроде репетиций, которые производились студентам по полугодиям. Правда, на них ставились отметки, после составлялся разрядный список, но такие же разрядные списки были уже у каждого профессора составлены на основании успехов, оказанных студентами в продолжение учебного года. Собственно, судьба студентов решалась на испытаниях публичных и, главным образом, на выпускных. Дни испытаний обыкновенно назначались Конференцией, но обязательно должны были получить утверждение Владыки, который часто их изменял. Нужно было подробно представить ему, сколько и по какому предмету назначено задач для письменных работ; кто из членов Конференции и наставников Академии и по какому классу назначен для присутствия на испытаниях в качестве депутата. Представлялись конспекты предметов, прочитанных в продолжение года. Все это рассматривалось, критиковалось и иногда изменялось Владыкой. На представлении Академии о внутреннем испытании в 1829 году с 11 по 18 июня Филарет писал: «Какая нужда так рано оканчивать внутренние испытания. Ведь есть еще две недели (кончался год в начале июля) для совершения оных, ибо открытое предполагается 2 июля»³⁴. И сроки были назначены иные. В 1830 году на предварительном испытании по богословию деятельному и истолковательному был назначен депутатом ректор (Поликарп <Гайтанников>). Филарет счел это неудобным, хотя и не ректор читал лекции по этому отделу богословия. «Ординарный профессор богос-

³³ Казанцев 1877. Ч. 3. С. 2–6.

³⁴ Дела Конференции. 1824. № 93.

ловия, — писал он в резолюции, — по всем ее частям, как начальник сей кафедры, есть ответчик и потому не может быть депутатом Конференции и ревизовать сам себя, как он учил и как руководствовал своих помощников»³⁵. И депутат был назначен другой. Иногда Филарет сам назначал своих депутатов из членов Конференции. Но особенно подвергались его просмотру представляемые к экзаменам конспекты. Требовалось ясно, точно, по возможности сжато высказать главные положения прочитанного в году, особенно останавливаясь на важном и иногда совершенно пропуская второстепенное. По этим конспектам приходилось отвечать на испытаниях. Поэтому некоторые наставники старались составить их так, чтобы по ним можно было дать лучшие ответы. Иногда применялись при составлении некоторые приемы своего рода, отчего мог терять конспект в общем впечатлении. Филарет требовал обстоятельно изложенного конспекта безо всяких ухищрений, которые, если замечал, тут же обличал. «Конспект слишком отрывочный, — писал он об одном, — вообще имеет неприятный вид. Он ведет к подозрению, что хотя немного выучить на память и прочитать. Если испытания на показ терпимы были по нужде в ожидании усовершеннения учения, то пора уже быть испытаниям более совершенным. По крайней мере, богословский конспект, который теперь отрывочнее философского, должен получить несколько большую полноту. Странно, что в отрывочном конспекте словесности не могли пропустить сатиры и элегии, как будто это крайне нужно для Академии. Исправить»³⁶. Особенно строгие требования Владыка предъявлял к конспектам, когда они представлялись к нему пред публичными экзаменами. Обыкновенно такие конспекты печатались. Поэтому Филарет особенно внимательно просматривал их и чаще заставлял переделывать и даже переписывать вновь. Дело в том, что присутствующим на публичных испытаниях гостям обыкновенно раздавались эти конспекты, и они, сообразуясь с последними, могли предлагать вопросы экзаменуемым. Поэтому нужно было так составлять, чтобы область была не слишком узкой, однообразной, специальной, чтобы изложено было доступно и опреде-

³⁵ Дела Конференции. 1830. № 7.

³⁶ Дела Конференции. 1838. № 50.

ленно, чтобы не могли спросить на основании конспекта же из другой области. «Статьи, — писал раз Филарет, — для открытого испытания берутся слишком короткие. Это стесняет испытующего и испытуемого, располагает к буквальному повторению уроков по опасению сократить испытание. Не лучше ли назначить несколько предметов предположением, что в свободных ответах сократятся подробности. Советую рассудить о сем»³⁷. «По некоторым предметам назначенное обозрение очень мало, — писал он в другой раз, — и статьи такие, которые почти не дают случая испытующим войти в дело и усмотреть ход науки»³⁸. Замечания Владыки касались даже внешнего вида конспектов, формы выражения. Вообще, все они испещрялись разного рода значками и пометками, которые все должны были быть приняты к сведению в Академии. «Обозрение предметов, — писал он на предоставленной программе, — советуется еще пройти оком испытания, дабы выражения не довольно определенные или неясные предохранить от неточности и от сомнений»³⁹. «Взвесив еще раз некоторые выражения в конспекте, не могут ли быть заменены более беспрекословными»⁴⁰. Такие замечания можно найти почти во всех резолюциях митрополита относительно экзаменационных программ, особенно же в предопределенных к напечатанию конспектах.

Начинались экзамены.

Митрополит Филарет любил посещать экзамены, испытывать познания студентов и в то же время умение преподавать, ориентироваться в своих предметах и самих профессоров. Поэтому ежегодно посещал публичные испытания. Он серьезно был обижен, когда в бытность его в Петербурге, по личным счетам, митрополит Серафим приказал не приглашать его на экзамены СПбДА. «Петербургская Академия, — писал он своему викарию⁴¹, — не по важности не зовет на экзамены,

³⁷ Дела Конференции. 1842 (Смесь).

³⁸ Дела Правления. 1834. № 137 (НИОР РГБ. Ф. 172. К. 103. Ед. хр. 7. — Ред.).

³⁹ Журнал Конференции. 29 мая 1842.

⁴⁰ Дела Правления. 1848. № 4.

⁴¹ В цит. тексте указаны имя викария (Еп. Иннокентий) и дата письма (30 декабря того же года). — Ред.

а по Александро-Невской политике. Я имел бесстыдство говорить и Владыке, и членам Академии, что <я>, быв сделан почетным [членом] определением Комитета⁴² Духовных училищ, оставлен в то же время и действительным членом Академии, и потому поступают против определения К<омитета> Д<уховных> У<чилищ>, не приглашая меня никогда на экзамены⁴³⁴⁴. И здесь в Москве, несмотря ни на погоду, ни на состояние дорог, особенно до проведения железной дороги, Филарет считает своим долгом посетить экзамены. Зато испытания уже на самом деле были испытаниями, а не простой формальностью, где все зависело бы от случайности и счастья. Он как-то сразу умел определить, тверды ли студент в своих познаниях, сознательно ли, обдуманно ли тот передает или же механически усвоенное памятью. Главным его требованием от экзаменаторов было: «При испытании наблюдать, чтобы испытуемые отвечали из ума и знания, а не слепо из учебных книг и записок»⁴⁵. А студенты, чтобы знали, что «знание главных истин, готовое к ответу всякому вопрошающему⁴⁶, есть первое на потребу, которое может быть украшено и дополнено знанием подробностей»⁴⁷. Поэтому-то главная суть испытаний при Филарете заключалась именно в исследовании умения ориентироваться, выражать свои мысли. Ответ состоял не в изложении только лекций, но в ответах на вопросы по поводу этих лекций. Спрашивал, главным образом, сам Филарет, но требовал вопросов и от экзаменаторов. «Что же вы молчите? — сказал он раз по адресу сидящих профессоров. — Я пришел слушать не одних экзаменующихся, а и самих экзаменаторов»⁴⁸. Таким образом, экзамены студентов в то же время были испытаниями и наставников. Филаретовских экзаменов боялись. Боялись студенты, едва ли не более их боялись и профессора. Окруженный ореолом ученого, богословского авторитета, облеченный

⁴² В цит. тексте: «Комиссии». — *Ред.*

⁴³ В цит. тексте: «на Конференцию». — *Ред.*

⁴⁴ Чистович И. А. Руководящие деятели духовного просвещения в России в первой половине текущего столетия. СПб., 1894. С. 278.

⁴⁵ Дела Правления. 1842. № 70.

⁴⁶ Ср.: 1 Пет. 3, 15. — *Ред.*

⁴⁷ Дела Правления. 1842. № 70.

⁴⁸ Григорий, архим. 1869. С. 82.

высшей духовной властью, сам — личность недюжинная, он поневоле заставлял ожидать свое присутствие с каким-то трепетом. Если прибавить к этому еще его строгость, некоторую бесцеремонность в обращении даже с высшим начальством Академии, понятно будет то невольное чувство страха, которое закрадывалось каждый раз при посещении Владыки вообще, а при испытаниях в особенности. Каково же должно быть состояние новичка-студента, который, еще и не выдавши знаменитого митрополита, уже наслушался о нем всевозможных рассказов? Немудрено поэтому, что некоторые, выходя к столу пред лице грозного Владыки, буквально бледнели и дрожали от страха. «Я был в испуге, дрожал всем телом и, конечно, был бледен», — рассказывает Никодим Казанцев о своем первом дебюте пред Владыкой на экзамене⁴⁹. Собственно говоря, все эти страхи были преувеличены. Владыка слишком строго никогда не обращался на экзамене со студентами. Наоборот — старался казаться возможно доступнее, ободрял, когда видел, что студент слишком трусит. «Не пугайся, монах, — сказал он дрожащему Казанцеву, — нам должно бояться Бога, а не людей»⁵⁰. Он старается выводить из затруднения сбивающегося студента. Ставит наводящие вопросы и почти никогда не делает выговора воспитаннику, плохо отвечавшему. Наоборот, или дает подумать, собраться с мыслями, или же как-либо найдет случай смягчить тягостное положение срезавшегося. Случаев к тому было много. Владыка задавал каждому из отвечающих вопросы. Конечно, не всякий мог на всякий вопрос ответить. В таких случаях спрашивался сосед (к столу вызывалось по три студента). В случае неответа митрополит обыкновенно обращается ко всей аудитории с вопросом: «Кто скажет?» Поэтому и тот, кто плохо ответил у стола, мог после отличиться на таких вопросах. Тот же Никодим Казанцев, прорезавшийся на испытании у стола, рассказывает, что далее он стал внимательно слушать вопросы Филарета с тем, чтобы дать хоть на один порядочный ответ. «Мне это отчасти удалось. Филарет спросил: “Был ли рай и ад до пришествия Христова?” По притче Христовой о богатом и Лазаре, которую иные толкователи почитают

⁴⁹ Казанцев 1877. Ч. 4. С. 11.

⁵⁰ Там же.

за историю, надобно подумать, что и до Христа были и рай, и ад в разделении. Между тем ветхозаветные праведники, умирая, обыкновенно говорили “иду во ад”. Да и раю быть до искупления, кажется, не можно». Казанцеву удалось из всех разрешить этот вопрос и через это заслужить похвалу митрополита. «Я позабыл свой конфуз и свое горе»⁵¹. Один воспитанник ответил на вопрос, не решенный его соседом, и удачно отвечал еще на два, когда ушел уже от стола. Филарет похвалил его, а на следующий день прислал ему книгу с соботвенноручной надписью: «Московской Академии воспитаннику Василию Протопопову, заслужившему одобрение на испытании»⁵². Вообще, от таких ответов много зависело. Пользуясь неограниченностью власти, Филарет иногда на основании подобных ответов производил даже перемещение в разрядном списке. «Когда воспитанник, — рассказывает арх<им.> Григорий, — <точно и> складно выражался, вообще удовлетворял его разумным и основательным ответом, <Владыка> говорил: “Ты порядочно отвечаешь”, — или: “Хорошо” (это высшая похвала в устах Филарета), — <и> иных значительно повышал и даже вносил из второго разряда в первый»⁵³. Вообще, с уверенностью можно утверждать, что к студентам Владыка был на экзаменах очень снисходителен и милостив. Поэтому вполне можно принять слова преосвященного Саввы: «Мы на экзаменах видели в Святителе Филарете не того строгого и грозного судью, о котором так много слышали»⁵⁴, а простого и снисходительного отца»⁵⁵. Правда, бывали случаи резкостей с его стороны, но это редко, и виною действительно бывало поведение студента. Так, один раз он настоял, чтобы один студент был зачислен в общем списке гораздо ниже занимаемого им места за то, что тот допустил со своей стороны грубость по отношению к экзаменовавшему его профессору»⁵⁶.

⁵¹ Там же.

⁵² *Григорий, архим. 1869. С. 80.* В цит. тексте: «Семинарии». В данном случае диссертант приспособливает цитату к теме своего исследования без больших стеснений. — *Ред.*

⁵³ *Григорий, архим. 1869. С. 80.*

⁵⁴ В цит. тексте: «каким он являлся здесь в прежнее время». — *Ред.*

⁵⁵ *Тихомиров 1898. С. 330.*

⁵⁶ *Смирнов 1879. С. 194.*

Гораздо строже относился Владыка к экзаменаторам. Быть может, он здесь придерживался того принципа: кому дано больше, с того более и взыщется. Отвечал студент плохо, возлагалась вина и на наставника, что плохо преподавал. Сбивался воспитанник — наставник должен во всякое время и умело помочь, иначе сам мог очутиться в неловком положении. Не может разрешить заданного митрополитом вопроса — должен решить его наставник, и бывали казусы и очень не редко, когда пред всей собравшейся публикой профессору приходилось краснеть и конфузиться, не зная, как ответить на данный вопрос. К этому нужно прибавить некоторую бесцеремонность в отношении к наставникам со стороны Филарета во время экзаменов, когда он пред всеми обличал тот или иной недостаток преподавания или изложения лекций. Приходилось только молчать и краснеть, ибо всякого рода возражения влекли за собой только больший гнев Владыки. А сцены иногда разыгрывались неприятные. Никодим Казанцев рассказывает такой случай. Однажды на публичный экзамен, который уже начался, вошел наместник Лавры. Наместник Лавры — как-никак величина, даже и для академических властей порядочная. Все встали — даже и экзаменаторы. Наместник сделал шага два от двери, отвесил Филарету глубокий поклон. Филарет молча, левой рукой указал наместнику, где сесть. Когда тот сел, сели и все. Тогда Филарет начал свою строгую и гневную речь: «Зачем вы вскочили? Пришел наместник Лавры: и для него надобно бросать дело и всем вскочить? — Велик человек — наместник Троицкой Лавры! Мы занимаемся делом, наместник пусть, если хочет, послушает, взявши себе тихонько место... Вот вы хорошо научили учеников своих льстить, а дело делать учите не так усердно»⁵⁷. Конечно, особенной лестии здесь и не было. Как обычно, воспитанники встали при приходе старшего важного лица. А между тем пришлось выслушать такую реплику начальствующим — и это перед публикой. Чаще всего Филарет нападал на наставников за неумело составленные лекции. Особенно в этом отношении не везло инспектору Академии арх. Евлампии (Пятницкому). Лекции свои он излагал обычно тяжелым неудобовразумительным языком. Они

⁵⁷ Казанцев 1877. Ч. 3. С. 8.

состояли из длинейших периодов, всюду справленных обширными текстами Священного Писания. На экзамене один студент стал излагать доставшийся ему билет, не приводя помещенных там текстов. Евлампий часто останавливал его и требовал произнесения их. Когда тот молчал, он сам произносил тексты и в конце сказал: «Доказывайте изречениями Священного Писания ваше рассуждение, дабы иначе не подумали, что вы рассуждаете произвольно, без оснований». Филарет прослушал все это и затем заговорил, обращаясь к Евлампию: «Священным Писанием надобно доказывать полную истину, а не часть ее... <иначе>⁵⁸ вы сделаете глупость, потому что будете доказывать слова, а не мысль, которая еще не известна. Посему вы напрасно сбивали с толку студента⁵⁹ и навязывали ему вашу бессмыслицу: он не захотел ее предлагать; он умнее вас»⁶⁰. В другой раз тому же Евлампию, который назвал полемическое богословие «воительным», с иронией сказал: «Отчего же вы не назвали его солдатским богословием?»⁶¹. Конечно, он прав был в своих замечаниях, но такая резкость, такое обращение при учащих и даже при посторонней публике не могли не огорчать наставников. Не избегали таких столкновений даже уважаемые самим Филаретом авторитеты. Горский в своем дневнике рассказывает о таком случае. К экзамену по церковной истории представлена была история распространения и угнетения христианства после апостолов до Константина Великого. Когда отвечали о препятствиях к его распространению и с самого начала указывали на разнообразное направление духа империи и духа христианского общества, Филарет начал свои замечания. «Что такое дух? Могли ли вы сами обнять и исследовать дух христианства? Могли ли вместить это в головы Ваших студентов? Ныне странное направление в истории. Смотрят на <человечество>, как на одного человека, и усваивают ему то одно, то другое общее направление. Прекрасный взгляд <на историю> Боссюетов.

⁵⁸ Д. Августов словом «иначе» заменил следующую фразу: «Если скажете: “Чем чище действие по намерению”, — и затем тотчас придадите изречение Священного Писания...». — *Ред.*

⁵⁹ В цит. тексте: «монаха (указывая на меня)». — *Ред.*

⁶⁰ *Казанцев 1877. Ч. 4. С. 11.*

⁶¹ *Ср.: Смирнов 1879. С. 194.*

Впоследствии другим не захотелось все сводить к христианству: они выдумали каждому веку своих представителей, каждому народу свою идею. Все это пустяки!»⁶². Как видно, Филарет был противник новейших взглядов и методов истории. Он признавал только один фактор в истории: волю Провидения, управляющего царствами и сердцами людей. Конечно, как истинный ученый Горский не мог держаться подобного взгляда. Его исследования были построены при свете новейших научных изысканий и на основании совершенно иных принципов и методов. Далее в изложении причин гонений митрополиту не понравилось, что они оправдывались законами римской империи и потому были как бы законным делом. Он, со своей стороны, признавал только одну причину их: религиозное языческое суеверие.

«Вот Вы кажется главное-то и упустили, — обращается он опять к Горскому, — слона-то и не приметили. Главною причиною гонений против христианства было языческое суеверие. А Вы о нем — ни слова». «Я отвечал <на это>, — пишет Горский, — что об этом сейчас будет сказано. Причины религиозные поставлены в третьем разряде препятствий к распространению христианства». «Вашим разрядам, — сказал Владыка, — конца не будет». Действительно, непосредственно за этим стали излагать и эти причины⁶³.

И такие случаи были нередки. Еще чаще Филарет делал короткие замечания преподавателям. Иному из них он во время же ответа говорил: «Хорошо, спасибо». Другим: «У тебя худо отвечают», — смотря по ответам экзаменуемых, или же делалось замечание всей корпорации. «<Митрополит Филарет>, — писал П. С. Казанский своему брату арх. Платону, — двукратно говорил ректору (Алексию)⁶⁴, что ученики семинарии лучше отвечают, чем воспитанники⁶⁵ Академии»⁶⁶.

⁶² Дневник 1884. Запись от 2 июля 1837. С. 133.

⁶³ Там же. С. 135.

⁶⁴ Фактическая ошибка. В то время был ректором не еп. Алексей (Ржаницын) (1847–1853), а архим. Сергей (Ляпидевский) (с 4 октября 1857, † 11 февраля 1898). — *Ред.*

⁶⁵ В цит. тексте: «ученики». — *Ред.*

⁶⁶ *Беляев А. А., прот.* Профессор Московской Духовной Академии П. С. Казанский и его переписка с архиепископом Костромским Платоном // БВ. 1904. Т. 1. №

Экзамены обыкновенно продолжались долго. Особенно в этом отношении были тяжелы испытания выпускные, или ревизорские. Здесь Владыка как бы получал отчеты за все годы учения студента в Академии. Он хотел тщательно испытать, с какими знаниями выходит человек в жизнь, к чему он более способен и способен ли к чему. Поэтому эти экзамены продолжались обычно несколько дней, и каждый день владыка занимался часов по 6—8. Об этом отчасти уже упоминалось, когда говорилось о ревизии Академии Филаретом. Удивительно, как это Филарет, особенно в последние годы, будучи совсем стариком, мог высиживать так долго и, главное, выслушивать с неослабным вниманием. А это так и было. Несмотря на всеобщее утомление, владыка чувствовал себя как будто прекрасно, не допускал даже простых обмолвок в речи отвечающего, не говоря уже о каких-либо крупных ошибках. Свящ. Миловский рассказывает, что на окончательном экзамене митрополит перебирал их выпускной курс два дня по восьми часов сряду. «Мы, молодые люди, утомлялись до крайности, а он, видно, не утомлялся. Ни одной ошибки не пропустит не только в мыслях, но даже и в словах: удивительный человек»⁶⁷. Немудрено, что молодежь не могла высиживать всего испытания, выходили иногда, хотя Филарет и не любил этого. На одном экзамене, когда некоторые воспитанники вышли из экзаменационной залы, митрополит, обратясь к Ректору, сказал, но так, чтобы все слышали: «Молодые люди не хотят сидеть, а мы, старички, посидим»⁶⁸.

Конечно, не железный был и Филарет. Не обходилось даром и ему столь долгое занятие. «Еще не провел я здесь дня без усталости, — писал он своему vicarю. — Одно из экзаменических заседаний продолжалось пять, другое — шесть часов. Вчера <шестого июля> шесть часов проведено за пересмотром сочинений и поверкою разрядных списков»⁶⁹. «Филарет для экзамены академические, — вспоминает Казанский, — утомился на них, заседая неподвижно от 5 до 7 часов ежедневно».

3. С. 566—590 (2-я пагин.). С. 583.

⁶⁷ РА. 1893. Кн. 3. С. 45.

⁶⁸ Григорий, архим. Некоторые изречения и резолюции митрополита Московского Филарета // ДЧ. 1871. Ч. 2 б. № 6. С. 71.

⁶⁹ Смирнов 1879. С. 189.

Все это считал он своим долгом. Хотел сам — и детально узнать, как же выучили воспитанников и с чем они выйдут на тернистый путь жизни. Он умел определять не столько по ответам, сколько по виду внешнему, по привычке держать себя, отвечать. А раз составивши мнение, Владыка его не менял. Пронизывая своим острым взглядом испытуемого, проводя его через цепь своих вопросов, он уже знал человека, уже составлял о нем мнение, которое потом готов был отстаивать. Наоборот, если ему не приходилось самому быть на испытаниях, самому лично все осязать, он не хотел ни за что отвечать. Вся ответственность возлагалась на начальство и учащихся Академии. Это, конечно, не из каких-либо опасений, каких-либо неприятностей, а скорее из принципа, ибо таковы были взгляды Владыки. И он держался их крепко. Когда в 1824 г. Филарету, не бывшему по болезни на экзаменах, представили для подписи разрядные списки студентов, он положил такую резолюцию. «Не быв, по болезни, на испытаниях и других опытов не имея, не имею оснований <я> подписать разрядных списков»⁷⁰. Что это был не каприз, видно из мнения представленного по этому поводу комиссии Духовных училищ. «Моя обязанность, по § 396, была подписать, а по выражению, дважды употребленному в определении Ком<иссии> Дух<овных> уч<илищ>, засвидетельствовать разрядные списки. Засвидетельствовать свойственно свидетелю. Свидетель не иной может быть, как очевидец. Очевидцем испытания, по болезни, я не был. Следственно, не имел основания подписать разрядных списков или засвидетельствовать их во всех подробностях»⁷¹.

Но вот кончались публичные испытания. Конференция собирается в полном составе для окончательных суждений. Здесь составляется окончательный разрядный список. Здесь присуждаются ученые степени. Здесь же прочитываются, по крайней мере, лучшие сочинения студентов. Митрополит Филарет только за редкими исключениями, уже по каким-либо очень уважительным причинам, пропускал подобные

⁷⁰ Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам / Издание под редакцией пресвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского. Том дополнительный. СПб., 1887. С. 13.

⁷¹ Там же.

заседания. Он считал своим долгом, одной из важнейших обязанностей присутствовать на этом решающем совещании. Здесь главное внимание он сосредоточивает на сочинениях, представленных студентами. Он видел в них лучшее, сравнительно с устными ответами, доказательство развитости и трудоспособности студента. И Филарет придавал огромное значение этой работе. Бывали случаи — и нередко, — когда уже в составленном окончательно разрядном списке по его настоянию производились перемены и перестановки студентов в местах, занимаемых ими в списке, и именно из-за сочинений. Так был перемещен в 1848 году на второе место по настоянию митрополита известный Гиляров-Платонов, впоследствии бакалавр Академии. В 1850 году на подобном же заседании в присутствии Филарета определено: студента В. Холминского, занимавшего в разрядном списке студентов четвертое место, так как сочинение его оказалось имеющим преимущественное достоинство в сравнении с сочинениями воспитанника, поставленного выше его в том списке, записать третьим⁷². Уже это одно показывает, как серьезно относился к таким работам Филарет и как ценил их. Он не любил сочинений слишком обширных, когда хотели удивить именно размером. «Надобно не так много писать, — говорил он. — Рассуждение — не книга, и толстота тетради не есть верх совершенства»⁷³. «Некоторые сочинения, — писал он в предложении на имя академического правления, — очень длинны. Сие более изнуряет, чем усвершенствует малосильного сочинителя и затрудняет наставника во внимательном рассмотрении сочинения. Надлежит от посредственно успевших требовать не слишком обширных сочинений и тщательным разбором и критикой оных раскрывать и образовывать способность к соображениям более обширным»⁷⁴.

Лучшие сочинения студентов обыкновенно предназначались к напечатанию. Таковые подвергались особенно строгой критике со стороны митрополита. Он требовал особенно тщательного исправления их от Академии, но многое, в конце концов, выправлял и сам. Обычно

⁷² Журнал Конференции. 1850. Глава 3.

⁷³ Дела Правления. 1842. № 48.

⁷⁴ Там же.

пред самым напечатанием сочинения представлялись к нему для окончательной редактировки. И бывали случаи, что одобренные со стороны академической профессуры сочинения забраковывались им. В последнем случае требовалось внести серьезные поправки, иногда совершенно переработать сочинение, и только тогда, вновь просмотренное митрополитом, сочинение печаталось. В 1828 году, получив от ректора сочинение «О праздниках первенствующей Церкви» и просмотрев его, Филарет дал такой отзыв: «Предупреждая, сколько от меня зависит, последствия медленности, я тотчас приступил к рассмотрению всего⁷⁵ сочинения и нашел оное не только слабо обдуманым и слабо писанным, но и слабо цензорванным. Посему поспеваю предложить академическому правлению следующее: 1) замечания, сделанные мною, поколику время позволило, на первую часть сего сочинения, объявить сочинителю и требовать, по сему образцу, исправления всего сочинения; 2) если будет достаточно исправлено: о. ректору с помощниками своими по классу богословскому вновь процenzоровать оное тщательно»⁷⁶. В другой раз были представлены два сочинения. Ректор в представлении писал между прочим, что «оба сии сочинения окончены, пересмотрены и по возможности очищены от погрешностей». Не так посмотрел на них Филарет. На этом представлении он дал такую резолюцию: «Ни того, ни другого рассуждения не могу признать достаточно приготовленными для напечатания <ни для прочтения в публичном собрании>. Рассуждения о мученичестве (второе) и теперь бесконечно обширно и — как в отношении к логике, так и в отношении к словесности — слабо. Это — принужденное скопление слов и выражений, исторических обстоятельств, выписок, а не систематическое произведение ума, которого бы все части были направлены к определенной цели. Я прочитал около половины оного (дочитать не имею ни времени, ни терпения), но не встретил еще ничего, что прямо и с силою было бы направлено к указанной во вступлении цели»⁷⁷. В 1836 году митрополит писал ректору Академии Филарету: «Возвращаю вам рассуждение о толковании

⁷⁵ В цит. тексте: «сего». — Ред.

⁷⁶ Смирнов 1879. С. 211–212.

⁷⁷ Там же. С. 212.

Священного Писания по теории приспособления. Самая тема изложена неудачно, так и далее. Говорить о сем на русском не безопасно, чтобы, вместо разрешения возникших сомнений, не пробудить сомнений, которых не знали. И если бы решиться говорить, то надобно не так, как в сем рассуждении. Сочинитель и противников неверно изображает, и отвечает им неудовлетворительно. Надлежало бы говорить о сем ближе к примерам: рассуждения более общие, более невопад приходят»⁷⁸. Вслед за этим письмом ректор получил от митрополита другое письмо с рецензией на сочинение о постах Православной Церкви. Филарет писал: «В рассуждении о постах не нравится мне вступление. Что это такое, что всякий юноша ставит себя защитником Церкви против ее врагов? Для юноши нескромно, для Церкви оскорбительно, и цели сочинения неблагоприятно. Прежде нежели назидаете учением о посте, вы уже смутили читателя мнением, что его отвергают и что он требует вашей защиты. Не простее ли было бы начать тем, что некоторые, соблюдая посты, не довольно знают начало и важность сего установления, а другие, не довольно зная сие, позволяют себе небрежение о сем установлении, и потому надобно показать истину, чтобы вразумить неведущих и возбудить небрежных? Свидетельства о посте собраны хорошо, но не везде хорошо употреблены. Говорить, что пост есть учреждение апостольское и что он утвержден Димитрием и Виктором на Соборе, значит противоречить себе, если не объяснить сего тем, что апостольское учреждение было в примере, а не в писанном правиле, и потому подверглось разнообразию в исполнении. Подобная борьба свидетельств между собою не раз встречается. В одной статье говорится, что пост составляет семь недель, без субботних и воскресных дней, и что сорок дней кончатся прежде страстной седмицы; и даже не сказано, что это два разные счета. В одном примечании мясоястие сырной недели осуждается и пост среды и пятка сей недели называется еретическим; справедливо и то и другое, но надлежало сказать о сем так, чтобы не было вида сбивчивости и противоречия. Непощение в воскресные и субботные дни требует объяснения: чтобы не вздумали есть мяса в четыредесятницу. Чтобы в пост прекращаемы были все до-

⁷⁸ Там же. С. 213–214.

машинные упражнения, это не походит на дело; и даже странно, что сочинитель сказал сию странность и не позаботился о доказательстве. На одной странице Златоуст определяет три поста, а Лев — четыре: и сие рассказывается так, как будто тут нет никакого разноречия. Вскоре приводится в примечании свидетельство Иеронима, где мнение о трех четырехдесятницах приписывается монтанистам, и сочинитель не позаботился, чтобы св. Златоуста отличить от монтанистов. Что празднование Успения Божией Матери учреждено при Маврикии, не самоправно ли сказано? Легко ли вдруг определить никогда не известный праздник? Не вероятнее ли, что он праздновался и прежде по преданию, но или не повсеместно, или не с полным уважением, и оттого подтверждение, которое вы называете новым учреждением.

Что за слово: “годовой”? “Седмичный” говорим от слова “седмица”. Неужели “годовой” — от “годица”? От “года” — “годовой”.

“Годичные времена”. Что такое? И среда и пяток разве не годовые времена, как заключающиеся в году, подобно четырехдесятницам? Надобно говорить определеннее.

Конец слова: рассуждение богато свидетельствами и будет очень хорошо, и может быть напечатано с пользою, если исправятся недоговорки и несоображения сочинителя»⁷⁹.

Мы с намерением привели полностью эту длинную рецензию. Она служит показателем того, с какой тщательностью просматривались владыкой подобные сочинения. Он не хотел выпустить в свет необработанного, темного, запутанного и неясного произведения. Ведь через это было бы положено темное пятно на всю Академию, на ее работы в области научной. Чего могла не досмотреть ученая корпорация Академии, то не проходило так, побывав в руках Филарета. Кто знает, от скольких неприятностей избавлена была Академия, школа с известным ученым направлением, благодаря такому строгому цензору владыки.

Классическим образцом такого пуританизма, строгости в требованиях действительных достоинств, является курсовая работа студента Николая Руднева⁸⁰. Как выдающийся труд она была представлена ака-

⁷⁹ Там же. С. 215—216.

⁸⁰ «О ересе и расколах в Российской Церкви». — Ред.

демической корпорацией на соискание премии, назначенной канцлером графом Румянцевым. Согласилась с этим и Петербургская академическая конференция, отзыв которой также требовался для получения премии. Но когда дело дошло до митрополита, он, просмотрев внимательно работу, нашел в ней много недостатков и решительно воспротивился как против напечатания, так и против выдачи сочинителю премии. Любопытна дальнейшая история этого дела. Сочинение много раз поправлялось и дополнялось, даже печаталось, но потом опять перепечатывалось по причине недостатков, и все по настоянию Филарета. Начавшееся в 1837 году дело кончилось только в 1842 году, когда книга была напечатана в окончательной редакции и автору была выдана премия⁸¹. Благодаря такому строгому цензурированию⁸², во-первых, со стороны профессуры и, во-вторых, со стороны Владыки, получались действительно образцовые рассуждения. Да и вообще, такие строгости заставляли подтягиваться и самих студентов, осмотрительно употреблять даже выражения и тщательнее отделять их.

Но зато ничем нельзя было более обидеть митрополита, как плохим отзывом о сочинении, уже прошедшем его цензуру. Тогда он уже сам со всей своей авторитетностью становился на его защиту. «Слышится, — писал раз он митрополиту Григорию, — что академическое рассуждение о третьей книге Ездры подверглось осуждению преосвященного Саратовского как будто бы оскорбляющее достоинство священных книг. Поелику наши суждения не удостоиваются доверия, то в защиту нашу укажу на суждение Римской Церкви. Аббат Бержье, известный защитник православных христианских учений против неверия, говорит, что сия книга содержит погрешности, что ее писал не Ездра и что она не уважается как в греческой, так и в латинской Церкви. Наш сочинитель говорит о ней с большим уважением, нежели Бержье»⁸³.

В другой раз был такой случай.

⁸¹ Смирнов 1879. С. 222—229.

⁸² В тексте: «цензорованию». — Ред.

⁸³ Филарет (Дроздов), свт. Письмо к Григорию, митрополиту Новгородскому Санкт-Петербургскому // Материалы для истории Русской Церкви (ЧОДП. 1877. № 12. С. 176).

Преосвященному Кириллу, архиепископу Подольскому, бывшему ректору Академии, присутствовавшему в Синоде, дано было поручение прочитать восемь сочинений студентов Московской духовной академии. Конечно, все они были уже просмотрены Филаретом. Болезненный высокопреосвященный Кирилл просил состоявшего при нем архимандрита Никодима (Казанцева), который и рассказывает этот случай, перечитать все эти сочинения и составить на каждое примечания. Никодим составил, но дал очень нелестные отзывы о всех сочинениях и указывал только ошибки и недостатки, опуская совершенно достоинства сочинений. На основании таких отзывов Кирилл и составил свой отзыв для представления Синоду. В нем он строго осуждал начальство Академии за представление столь несовершенных сочинений, а также и за то, что их несовершенства не отмечены читавшими их наставниками. В таком виде дело поступило в Синод. «В одно из ближайших заседаний назначено было слушание этого дела. Обер-секретарь читает присутствию дело: сперва рапорт преосвященного Кирилла, потом замечания на сочинения студентов. Члены Синода изумились. Напряженное молчание. Светские вытянулись с сардонической улыбкой, ожидая бурной сцены между митрополитом Филаретом и архиепископом Кириллом. Филарет действительно видимо раздражался, не раз останавливал читающего, делал обращения к высокопреосвященному Кириллу, старался смягчить фразы, требовал объяснений. Такая сцена раздражений длилась долго. Наконец Филарет, чтобы прекратить смущение, сказал: “Позвольте мне взять это дело и пересмотреть. Может быть, вместе с преосвященным Каменец-Подольским мы найдем способ дать ему мирное окончание”. Филарет сидел рядом с Кириллом. От нетерпения толкал Кирилла в бок, говоря тихонько: “Что ты говоришь? Против кого? Позабыл свою родину”.

Приехавши из Синода, Преосвященный Кирилл рассказывал мне все это, изумляясь, — продолжает Никодим: — “Ну, брат! Я сегодня в Синоде вытерпел такую бурю, какой и не помню в жизни. Московский Владыка пришел в великую досаду за наши с тобой замечания на сочинения московских студентов”»⁸⁴.

⁸⁴ Казанцев 1877. Ч. 16. С. 67.

Этот случай показывает, как дорожил Филарет честью своей Академии, как для него было неприятно, когда хотели посрамить ее питомцев.

По окончании всех выпускных церемоний служился молебен, иногда самим Филаретом, причем последний всегда обращался к окончившим курс с речью. Это было последнее напутственное слово Владыки пред вступлением их в мир — мир, полный соблазнов и искушений, горя и страданий. Владыка по опыту знал, как нужно осторожно идти, ибо много порогов на пути, тем более, что большинству из окончивших приходилось выступать самим уже в роли учителей. «Поздравляю вас, — говорил он курсу 1854 года, — с окончанием учебного поприща и вступлением не поприще службы. Вы теперь должны учить других. Но помните, <что> из школы зрелыми мужчинами не выходят. Вам и по выходе отсюда нужно будет еще продолжать свое образование и умственное, и нравственное»⁸⁵.

И это было последним наставлением Владыки питомцам, разлетающимся во все концы обширного Русского Отечества.

Смотря по тому или иному состоянию учебного дела в Академии, выявившегося из академических испытаний и вообще из ревизии, Филарет часто присылал по окончании ревизии свои отзывы и замечания на имя академической корпорации. Цель их, главным образом, — исправление замеченных по учебной части недостатков. Вместе с тем в них же подчеркивались и хорошие стороны, за что владыка высказывал свою похвалу. «1). По классу богословскому с одобрением усмотрено, что когда, по немаловажному продолжении испытания на латинском языке, для удобнейшего занятия посетителей потребовано, чтобы студенты далее говорили на русском, они, несмотря на неожиданную перемену языка, продолжали излагать требуемые истины без приметного затруднения. 2). По классу философскому в вопросах учащих и в ответах учащихся замечена точность, которая, показывая, что учащие с особенною силою владеют вниманием учащихся, может быть поставлена в пример некоторым <другим> классам»⁸⁶.

⁸⁵ Смирнов 1879. С. 202.

⁸⁶ Полное собрание резолюций Московского митрополита Филарета / Под ре-

Чаще указывались промахи и недостатки. «Некоторые замечания, — писал он в одном предложении, — сделанные мною во время испытания и рассмотрения сочинений студентов, не бесполезным почитаю предложить академическому правлению для соображения и руководства на будущее время... 3). По классам словесности желательно видеть более указания примеров и разбора образцов изящной словесности. 4). По классу всеобщей истории рассмотрение происшествий древней истории в отношении к Провидению Божию составило занимательную часть испытания: только по образу изложения, который состоял наиболее в разборе пророчеств, оно едва не переходит из пределов истории в пределы герменевтики. 5). В рассмотрении (стр. 80) сочиненных студентами проповедей частью <примечена> невнимательность, пропускавшая без замечания погрешности, частью <неумеренное> снисхождение, которое, осыпая похвалами слабые сочинения, более могло прельщать, нежели поощрять сочинителей.

... 7). Некоторые сочинения не довольно успешных сочинителей очень длинны. ... 8). Некоторые сочинения представлены в разных видах неоконченной работы. Некоторые — без всяких признаков того, что были рассмотрены наставниками. В некоторых видна только часть сочинения, обещанного во вступлении. От одного студента представлено два обширных расположения одного сочинения, а самого сочинения нет. У одного не только рассуждение не дописано до конца, но и последний в рукописи период не дописан до точки. Не так все сие должно быть при окончании курса»⁸⁷.

В другой раз писал: «При окончании в сем году академического курса не мог я оставить без внимания того, что не только при предварительном, но и при окончательном испытании студентов не было в виду сочинений, обыкновенно требуемых от студентов для получения степени магистра или кандидата. Это был значительный недостаток при окончательном составлении разрядных списков. Это недостаток и для соображения при назначении студентов на должность. Вследствие

дакийей протопресвитера Московского Большого Успенского собора В. С. Маркова. Вып. 2. Т. 2. М.: Издание редакции «Душеполезного чтения», 1903. С. 106.

⁸⁷ Смирнов 1879. С. 203.

позднего представления студентами сочинений длится рассмотрение оных и замедляется представление студентов к ученым степеням. Таким образом, они своим опаздыванием причиняют затруднение начальству и самим себе. Предлагаю ныне и впредь внушать студентам высшего отделения, чтобы сочинения для получения высшей ученой степени составляемы были благовременно и представляемы к началу предварительного испытания или, по крайней мере, в продолжение оног⁸⁸.

И такие предложения бывали почти ежегодно. Не любивший делать половины, Филарет, наблюдая за постановкой учебного дела Академии, делал это тщательно и добросовестно, вникая во всякую мелочь. Он перестраивал все по-своему, как ему казалось, лучшим <способом>. Может быть, он и сам впадал в ошибки. Но, в общем, нельзя не заметить постепенного и постоянного усовершенствования в академическом учении со времени вступления на кафедру Московскую владыки Филарета. Уже в 1827 году он сам писал к Гавриилу, епископу Рязанскому: «Слава Богу, сей курс представляет больше зрелости против прежних»⁸⁹. Эта усовершенствование росла прогрессивно во все дальнейшее долгое управление святителем Академией и подготовила, скорее, создала тот блестящий и славный период состояния Академии, который принято называть «Академией Горского».

ИСТОЧНИКИ И ПОСОБИЯ

Архив Московской духовной академии. Дела Правления и Конференции за 1815—1870 гг.⁹⁰

Гиляров-Платонов 1886 — Гиляров-Платонов Н. П. Из пережитого. Автобиографические воспоминания. М., 1886. Т. 2.

⁸⁸ Дела Правления. 1853. № 72 (НИОР РГБ. Ф. 172. К. 113. Ед. хр. 25. — *Ред.*).

⁸⁹ *Филарет (Дроздов), свт.* Письмо от 22 июня 1822 (Материалы для биографии митрополита Московского Филарета. Письма к Гавриилу архиепископу Тверскому) // ЧОЛДП. 1871. № 4. С. 47.

⁹⁰ В настоящее время часть дел Правления находится в НИОР РГБ. Фонд 172.86.9—10; 172.90.3—122.8. — *Ред.*

- Григорий, архим.* 1869 — *Григорий, архим.* Из моих личных воспоминаний о святителе Филарете Московском // Душеполезное чтение. 1869. Ч. 1 б. № 3. С. 76—86.
- Дневник 1884 — Дневник А. В. Горского / Примечания *прот.* С. К. Смирнова // ПрибТСО 34. 1884. Кн. 3. С. 84—144 (1-я пагин.).
- Казанцев 1877 — Архиепископ Никодим (Казанцев).* О Филарете, митрополите Московском, моя память / Предисловие и примечания *архимандрита Григория*. Кн. 2. М.: Издание Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете, 1877.
- Письма Ректора 1886 — Письма Ректора Петербургской Духовной Академии, Епископа Евсевия, к А. В. Горскому (1847—1850) // ПрибТСО 37. 1886. Кн. 2. С. 699—855 (1-я пагин.).
- Сборник 1883 — Сборник, изданный Обществом любителей духовного просвещения, по случаю празднования столетнего юбилея со дня рождения Филарета, митрополита Московского. Т. 1—2. М.: Типография Л. Ф. Снегирева, 1883.
- Тихомиров 1898 — Архиепископ Савва (Тихомиров).* Хроника моей жизни. Автобиографические записки высокопреосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского. Т. 1. СПб, 1898.

Публикация *Редакции*